

АННА ВЕММЕР

НЕ НАВИЖУ

медя любитъ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Веммер

Ненавижу тебя любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58994322

SelfPub; 2020

Аннотация

Мой бывший муж меня ненавидит. Никто не знает, за что, но его ненависть обжигает, выворачивает душу наизнанку. Я вступила в борьбу с чудовищем, но отступить не могу, ибо на кону самое дорогое, что есть в моей жизни. Единственное, что он еще не отнял.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	35
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Владимир

– Поздравляю, Никольский. Ты теперь официально свободный мужик в разводе. Можешь трахать баб налево и направо. Хотя как будто тебе брак мешал это делать раньше...

– Ничего ты не понимаешь, – усмехаюсь я и забираю из рук помощника папку с документами. – Дело не в бабах. А в том, что я теперь свободен. Больше не надо видеть эту идиотку в собственном доме, слушать ее нытье и вспоминать об ее папаше.

Я сам лично просматриваю свидетельство о расторжении брака, чтобы убедиться, что отныне с Ксенией Никольской меня связывает лишь общая фамилия. Если бы я мог, я бы заставил ее вернуть девичью. Наверное, я и могу, надавить на глупую девку несложно, но связываться не хочется. Пусть гордо носит мою фамилию, потому что больше я ей ничего не оставил.

Шесть лет в браке, из которых я мечтал о разводе столько же. С тех самых пор, когда отец настоятельно попросил приударить за дочкой депутата Соколова, я думал о том, что однажды наступит момент, когда я отыграюсь. Я до сих пор ненавижу теперь уже бывшую жену. За то, что пришлось прогнуться, за то, что эта стерва не желала замечать мое отращивание к ней, за то, что смела высказывать претензии.

Деньги она, кстати, особо не тратила. По крайней мере, не в таких размерах, как жены приятелей. Но по мне, уж лучше бы надрачивала золотую кредитку, чем мой мозг.

Я подал на развод, едва ее папаша разбился бухой на тачке после очередной пьянки. Еще год мы судились, и развелись бы быстрее, если бы я согласился отдать бывшей хоть что-то.

– Ну и как тебе это удалось? – хмыкает Стас. – Оставить ее без гроша?

– Все имущество было приобретено до брака, у нее ничего нет.

– Да ты продуманный сукин сын.

– А то. Но самый главный плюс в том, что сейчас власть у меня, а если получится заключить контракт с китайцами, то мы выйдем на очень и очень хорошую прибыль. Все, заканчивай обсасывать мою личную жизнь и займись работой. Отзвонись Алексееву, перенеси встречу с Уваровым, а на вечер забронируй мне столик в «Кристалл», будем окучивать китайцев.

– Так может, лучше в «Улун»?

– Думаешь, им охота жрать русскую подделку под китайскую кухню?

– Не скажи, отзывы всегда на уровне, китайцев туда привозят обедать во время экскурсий.

– Ладно, пусть будет «Улун».

Не зря я все же нанял Стаса. Парень с головой, опыта не достаёт, но несколько лет в моей фирме – и будет нарасхват.

Мгновенно ловит настрой, подает идеи вовремя и ненавязчиво.

Я застегиваю пиджак и окидываю себя взглядом. Внешне, вроде бы, все в порядке. Едва подавляю рефлекс поморщиться, как делал обычно, когда бывшая подскакивала, чтобы поправить мне галстук. В завязывании галстуков я могу дать фору едва ли не каждому мужику, но для этой идиотки было особенно важно чувствовать себя причастной к моим сборам на работу. Кажется, она перестала это делать года полтора назад, когда я, не выдержав, как следует на нее рыкнул.

А сейчас свобода. У нее приятный запах и сладкий вкус.

Дверь в комнату открывается.

– Па-а-апа-а-а!

Ко мне на руки прыгает дочь. Она уже вторую неделю не расстается с огромным плюшевым динозавром, и мне с трудом удастся повернуть Машку так, чтобы из-за зеленых гребней зверюги рассмотреть ее лицо.

– Ну что? Выучила свой стишок?

– Да! Хочешь, расскажу?

– Ну, давай.

– *Петушки распетушились,*

Но подраться не решились!

Если очень петушиться,

можно перышков лишиться!

Если перышков лишиться,

Нечем будет петушиться!

Н-да, ну и стишочки. Или это я слишком испорчен, а дети всего лишь разноцветных куриц имеют в виду?

– Молодец, только не «перышков», а «перышек», поняла?

– Да! – кивает дочь, и я ставлю ее на пол.

– Слушайся няню и не капризничай в саду, поняла?

– Я хочу к маме! – топает ножкой.

Я стискиваю зубы. Этой. Женщины. В. Моей. Жизни.

Больше. Нет.

– Машунь, мама уехала.

– Далеко?

– Далеко. В джунгли, у нее там... м-м-м... работа.

– А она скоро приедет?

Никогда. Тигр ее там сожрал к херам собачьим! Черт... как сложно-то.

– Не знаю, но как узнаю, обязательно тебе расскажу. Хорошо?

Задумчиво кивает. Когда Машка уходит в себя, она начинает пожевывать то, до чего дотянется. Как правило страдает любимая игрушка, так что у нашего динозавра уже все уши пожеванные и погрызенные. Приходится следить, чтобы няня не покупала игрушки с сыпучим наполнителем, не хватало еще, чтобы ребенок наглотался пенопластовых шариков.

– Ну все, динозёвр, беги собираться, лады? Папе надо на работу.

Всегда, когда я ее так называю, Маша приходит в совер-

шенный восторг и хихикает. У нас с ней целый словарь таких вот прозвищ. «Зёбра», «динозёвр» – самые любимые.

– А порядок встреч с Машкой не определили? – спрашивает вернувшийся Стас.

Я снова усмехаюсь. Порой собственная ненависть даже пугает.

– Определили. Но мне плевать. Пусть сначала алименты начнет выплачивать, потом поговорим. Хотя будет лучше ей забыть о ребенке. Нищая сиротка-оборванка ничего не может дать дочери Владимира Никольского. Кроме дурного примера...

– А вдруг заплатит?

– Ну если только пойдет на панель. Бывшая не способна работать, она просто не умеет. Так что ребенка ей не видать, как собственных ушей.

Я даже по имени ее не называю. Не хочу о ней думать. Не хочу о ней слышать.

Я ненавижу бывшую жену. Не-на-ви-жу. И точка.

Ксюша

Два года я считала свой брак удачным. Ну и что, что к нему подтолкнули родители? Володя ухаживал красиво. Так, как мне нравилось, не навязываясь и не сосредотачивая мою жизнь на отношениях с ним. Сейчас я думаю, что принимала его равнодушие за такт и сдержанность, но тогда мне нравилось, что мы встречались не каждый день, не проводили ночи на телефоне, не слали друг другу идиотские сообще-

ния с соплями и нежностями. Он просто предлагал куда-то поехать и, как правило, в выходные, мы проводили вечера вместе.

Дорогие рестораны, закрытые мероприятия, сдержанное общение. Он не дарил мне всякую ерунду, а слушал и запоминал то, что мне бы хотелось. Если я плакала из-за того, что утопила телефон в ванной, мне тут же покупалась самая последняя модель, если я говорила, что вышла новая книга любимого писателя, но в продажу еще не поступила, то получала ее буквально на следующий день.

Неужели это все был холодный расчет? В зале суда муж бросил фразу «Развестись с тобой оказалось выгоднее, чем жениться». И это не в сердцах брошенная фраза, это было сказано с такой самодовольной ухмылочкой, что захотелось расцарапать ему рожу.

Когда одна из давних подруг узнала, что мы разводимся и что я осталась без гроша, то спросила:

– Ксюха, Боже, что ты такого ему сделала?

А фишка в том, что я ничего не сделала. Ни-че-го. Теперь кажется, что все мое преступление лишь в том, что я была в жизни Владимира Никольского.

– Ты прости меня, Ксюшечка, – вздыхает свекр.

Я вздрагиваю и возвращаюсь в реальность. В дорогом ресторане с белоснежными салфеточками и занавесками мне неудобно, хочется как можно скорее отсюда сбежать. Все вокруг напоминает о прошлой жизни, которая закрыта для ме-

ня навсегда.

– Зря я, наверное, так на Володьку давил, – вздыхает Борис Васильевич. – Он всегда терпеть не мог, когда я ему приказываю, а тут... да ты же сама все понимаешь, девочка моя. Тебе папа говорил то же, что и я Володе.

Киваю, а сама вспоминаю разговоры с отцом. О, как он радовался тому, что за мной ухаживает сын Никольского! Хотя и волновался, приглядывался. «Если этот мажорчик тебя обидит – говори». Для отца я хотя бы не была разменной монетой в бизнесе, чего не скажешь о свекре. Но все это я кручу в голове, а внешне остаюсь спокойной и бесстрастной.

– Да... вот так вот. Ну, ты прости, в общем. И Володьку прости. Дурак он. Неплохой, но дурак. Да что там – я его таким и воспитывал, вот и пожинаяю плоды...

– При всем моем уважении, – перебиваю его, – вы ничего не пожинаяте. Ваш сын по-прежнему ваш, он жив, здоров, богат, теперь наконец-то счастлив. А еще у вас есть внучка, которую у вас не отнимали. Давайте лучше о Маше поговорим. Вы можете заставить Владимира допустить меня до встреч с дочерью?

Глазки бегают. Стыдно, собаке.

– Я, конечно, Ксюшечка, попробую, но сама ведь знаешь, упертый дурак, не слушает!

– Это моя дочь. Я ее родила, я ее пять лет воспитывала, черт возьми, я ее не видела пять месяцев!

Не выдерживаю и бью кулаком по столу, отчего официант,

проходящий мимо, с опаской на меня косится.

– Да я же понимаю, деточка ты моя, ну не могу я его уговорить!

– Наймите мне юриста. Пусть подаст иск, пусть делает хоть что-то! Что толку от вашего «прости, Ксюшечка»?!

– Милая моя, ну не могу же я... в суд да против сына... Я устало закрываю глаза. В суд он против сына не может. А мне теперь что делать?

– Уходите, пожалуйста. Не хочу вас больше видеть.

– Ксюшеч...

– Я больше не Ксюшечка, Борис Васильевич, меня Ксения зовут.

– Ксю... Ксения, погоди. Вот, возьми, пожалуйста. Я тебе тут квартиру снял... на первое время и вот...

Я замираю, глядя на папку с договором, ключами и приметным белоснежным конвертом. Ярость накатывает волнами, то стихая, то подталкивая бросить эту папку в лицо сверкру.

– Возьми, пожалуйста, ну что ты делать-то будешь? На первое время... пока на работу не устроишься.

От мысли о том, чтобы взять хоть копейку от Никольских начинает тошнить, но вместе с этим в голову приходит безумная, нереализуемая, но будоражащая идея.

– Хорошо, – медленно произношу, восстанавливая дыхание, – спасибо.

– Я попробую поговорить с Володей, – вслед мне говорит

Борис Васильевич.

Мне уже плевать, я пыталась сделать это миллион раз, я умоляла, просила, кричала. Вряд ли у свекра получится убедительнее. Правда в том, что ненависть разъедает Владимира изнутри, из-за нее отказывает разум, а души там, похоже, и не было. Он скорее отрежет себе руку, чем этой рукой откроет мне дверь к дочери.

Когда-то, в девятнадцать, я мечтала о том, как в белом платье буду кружиться в вальсе с любимым мужчиной. Когда мне было двадцать, я мечтала, что мой любимый мужчина станет хоть немного теплее. Когда мне было двадцать один, я уже не мечтала о любимом, но все еще верила, что разведутся дураки, а за брак стоит бороться.

Теперь я выросла и уже не мечтаю. А бороться собираюсь не за брак, а за единственное хорошее, что сделал в своей жизни бывший муж. За моего ребенка.

Его ненависть обрушилась на меня, как цунами. К началу бракоразводного процесса я, конечно, уже не верила в красивую сказку о дружной семье и не ждала от Никольского ни супружеской верности, ни мужниной заботы. Но все еще жила в мире иллюзий, полагая, что раз он любит Машку, то и смирится с моим присутствием в жизни.

Я ни за что бы не подумала, что вызываю у него такие чувства. На самом деле до определенного момента я считала, что не способна испытывать что-то даже отдаленно напо-

минающее ненависть. Оказалось, жизнь еще не была меня по щекам. Я вообще жила сначала у любящих и богатых родителей, а от них переехала сразу к мужу. Университет пришлось бросить из-за беременности, а потом все как-то не складывалось. Машкой нужно было заниматься, Машку нужно было воспитывать, а образование... «ну запишись на курсы какие-нибудь, если тебе скучно» – вот и весь ответ.

Сколько было этих курсов? По фотографии, по компьютерной графике, по стилю и гардеробу, по уходу за собой. Я выглядела, как жена с Рублевки, я вела себя, как жена с Рублевки, я научилась тысяче бесполезных вещей, но ни одной, которая помогла бы выжить в одиночестве.

Ей богу, хоть бы маникюр научилась делать.

Мне даже любопытно, насколько сильно совесть мучает свекра, поэтому я иду по адресу в договоре. От подружки пора съезжать, Верка и так терпела весь год, что мы разво-дились. Пережила десяток моих истерик, депрессию, вытацила меня, привела в порядок, заставила бороться, не взяла ни копейки, а я смогла отдать ей хорошо если пятую часть, продав единственное, что осталось со мной – гребаное обручальное кольцо Никольского.

Он так меня ненавидит, что, оставив без гроша, не смог пересилить себя и забрать свое кольцо. Даже забавно.

От Верки пора съезжать и точка. Несправедливо втягивать ее в войну с Владимиром, а от войны мне теперь никуда не уйти. Я испробовала все способы вернуть Машку, я ча-

сами стояла у ворот, как голодная собака, пытаюсь поймать хоть минуту и поговорить о дочери, ездила в места, где Машка с Володей бывали, звонила, писала, умоляла, взывала к голосу разума.

Вариантов почти не осталось.

Да... квартира впечатляет. Это однокомнатная двухуровневая студия в самом центре, в одном из домов с архитектурной ценностью. Такие сдают за бешеные деньги, в основном туристам и посуточно. Рядом какое-то не то консульство, не то посольство, через дорогу – особняк дипломата. Я брожу по дорожному паркету и пытаюсь успокоить нервы.

В конверте деньги. Много денег, несколько тысяч долларов – почему-то наши миллионеры все поголовно таскают с собой валюту. Деньги придется обменять на рубли, а вот что делать с картой... я ведь не могу таскать с собой пакет с деньгами, это слишком опасно.

К счастью, в квартире есть компьютер, и ближайший час я трачу на то, чтобы изучить вопрос. Банки отпадают, у Никольского в них связей вагон и маленькая тележка, заблокировать мои счета для него не составит труда. А вот электронные деньги... если сделать несколько кошельков, не идентифицировать их и хранить небольшие суммы, все вполне может получиться. Даже если заблокируют один, у меня останутся еще несколько, плюс какое-то количество наличных... а еще можно оставить часть денег Верке и, в случае форс-мажора, зарегистрироваться на каких-нибудь Веб-мани и по-

просить ее перекинуть туда. К счастью, в современном мире наличные уже не так популярны.

Теперь, когда план становится более-менее реальным, я размышляю над деталями. Моя главная надежда в том, что Владимир беспечен. Для него я – пустышка, жена по расчету, неспособная сдачу посчитать в магазине. А значит, он не ждет от меня решительных действий и не усилил меры безопасности.

Я заберу дочь из сада, я всегда делала это, не пользуясь услугами водителей. Конечно, сейчас у Маши есть няня, а домой ее отвозят на машине, но если приду немного раньше и скормлю воспитателям какую-нибудь байку... всем плевать, я – мать, я пять лет водила ее в садик, вряд ли хоть кто-то озаботится моим появлением.

А потом мы сядем в автобус, который увезет нас далеко-далеко. И пусть я буду мучиться чувством вины за то, что лишаю дочь отца, она будет рядом со мной, она не станет расти рядом с чудовищем, который легко и просто вычеркнул из ее жизни меня.

Одна проблема: документы. Без свидетельства о рождении мой план рухнет в первые же дни. Быстрый поиск в сети дает обнадеживающий результат. Обратиться за дубликатом свидетельства я могу в том же ЗАГСе, где и получала. И вряд ли вечно занятой Никольский об этом узнает.

Впервые за много месяцев я чувствую, как тиски, сжимающие сердце, слабнут. Ступить на этот путь страшно, так

страшно, что начинает тошнить от одной мысли, чтобы сбежать вместе с Машкой из-под носа бывшего мужа, но в то же время мне легко и хорошо.

Хочется перемен. И я позволяю себе последнюю слабость – беру несколько купюр, тщательно прячу деньги и документы в сейф, а потом гуглю ближайший салон красоты. И это огромный прогресс, потому что в первые месяцы после развода я порой не могла заставить себя причесаться. А сейчас сижу в кресле перед зеркалом и жду мастера.

Женщины часто оправдывают козлов, с которыми живут. Конечно, он ушел, ведь я так растолстела после родов. Конечно, он изменил, ведь быт превратил меня в серую мышь. Естественно, ему плевать на мое мнение, ведь я сижу дома с детьми и не развиваюсь. И уж конечно я не смею предъявлять претензии, потому что деньги в дом приносит муж.

Меня касалось, пожалуй, в полной мере только последнее. Хотя и это спорно: папа, едва мы сыграли свадьбу, очень помог Володе с бизнесом. Вряд ли он бы входил сейчас во все эти пафосные списки Форбс, если бы не мой отец.

Но я выглядела хорошо. Гордилась длинными густыми волосами орехового цвета, полными губами – пределом мечтаний всех инстаграмных быути-девиц, причем если им они доставались после курса уколов у дорогуших косметологов, то меня такой красотой наградила природа. Мне нравилась моя внешность, я вкладывалась в уход за собой, я хотела быть идеальной – и мне казалось, что была.

Я занималась спортом, читала книги, старалась не пропускать культурные события, чтобы не хлопать глазами, как наивная идиотка с таксой в сто баксов в час, сопровождая мужа на корпоративах и встречах.

И вот сейчас сижу и не понимаю, что хочу в себе изменить, но очень хочу! Нет сил больше смотреть на Ксению Никольскую, я хочу новой жизни и новой внешности.

– Отрежьте волосы чуть повыше плеч... – прошу у мастера. – Каре. И... и покрасьте!

– В какой цвет?

– Я не знаю, я... а что сейчас модно?

– Омбре очень хвалят. Это такой градиент, плавный переход одного цвета в другой.

– Пойдет. Давайте!

– А какой цвет вы хотите?

Глаза разбегаются от палитры цветов. Я без раздумий тыкаю в самый приглянувшийся – насыщенную глубокую вишню. Он пахнет сладким летом, беззаботными днями, когда я была студенткой и мы всем потоком выбирались на дачу к однокурснице. Там были и вишня, и хрустящие яблоки, и ароматная малина. Там было хорошо и спокойно.

– Отличный выбор, – улыбается милостивая девушка, – люблю тех, кто легко решается на эксперименты. Смелость – важное качество.

– Вы даже не представляете, насколько, – в ответ вздыхаю я.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Владимир

Смотрю на Катерину и думаю: может, уйти сегодня с работы пораньше, а домой прийти попозже? Отметить официальный статус холостяка в хорошей женской компании. Не то чтобы раньше я как-то ограничивал себя в свободных развлечениях, но грех не воспользоваться приятным поводом. Тем более, что Катерину я нанял совсем недавно и надоесть она еще не успела.

Кстати, эта – умнее прошлой. Обычно я держу помощника в качестве реального сотрудника, а секретутку – за красивое личико. Сидит в приемной, радуется гостей внешним видом и учтивостью, варит неплохой кофе, ну и хорошо сосет. Работа оплачиваемая, но текучка большая. Стас говорит, заебываются быстро, а я думаю, работа сложная – в диапазоне кофемашины столько длинных слов.

– Солнышко, – ласково говорю, – сбегай в супермаркет и купи что-нибудь на перекус. Заехать никуда не успеем, надо в банк, а жрать хочется.

– Уже, Владимир Борисович, – улыбается блондинка. – Вот, купила для вас вишни. Вымыла и перебрала, вся спелая и сладкая.

– Еще и попробовала, – усмехаюсь я. – Ну спасибо. А я вот думаю...

Катерина хороша. Стоит возле машины, держит корзину с крупной наливной вишней, глазами своими хлопает и губы, щедро намазанные красной помадой, облизывает. Я вообще взял ее с собой, чтобы потом из банка ее в офис отправить, но теперь думаю – а может, лучше в отель?

– Ты вечером что делаешь? – спрашиваю я.

– Если вы о сверхурочных, то я всегда готова, Владимир Борисович.

– Тогда в банк, а потом найдем какой-нибудь отельчик. Со спа, джакузи, вишней, опять же, с шампанским. Расслабимся после трудового...

Я осекаюсь, едва взглянув на противоположную сторону дороги. Сначала мне кажется, что это глюк. Может, я не выспался? Перегрелся на этом по-странному жарящем для октября солнце? Может, мне пора в отпуск или вообще нахрен на пенсию?

Но нет. На противоположной стороне улицы, возле дверей какого-то салона, стоит бывшая. Хотя от бывшей в ней теперь одно название. К счастью, у меня достаточно выдержки, чтобы не стоять, открыв рот, тупо глядя на нее, но все же я никак не могу заставить себя сесть в машину и свалить отсюда к чертям собачьим.

Она обрезала волосы. Надрачивала на них годами, от масок-хуясок ломился шкаф в ванной, а теперь взяла и обрезала? Да еще и покрасив в вульгарный цвет, который я даже не могу описать?

А еще я никогда не видел ее в спортивном. Платья, юбки, дурацкие костюмы, несмотря на то, что ни дня в своей жизни бывшая не просидела в офисе. А сейчас стоит на тротуаре в джинсах, черной толстовке, черных же кедах и смотрит в небо, ероша рукой темно-красные волосы.

Нет, не тот цвет.

Она похожа на едва девушку, уже избавившуюся от подростковой нескладности, но еще не приобретающую настоящие женские формы. Я знаю, что скрывает свободная толстовка, я видел ее, я трахал ее, и это знание должно начисто отбить во мне интерес к женщине, которая для меня больше не существует.

Но я смотрю и смотрю, смотрю, как эта стерва улыбается, щурясь, подставляя лицо солнцу, и внутри меня поднимается ярость. Я ненавижу ее счастье, руки сжимаются в кулаки от бессильной злобы. Это даже пугает, потому что до этого момента мне казалось – плевать, что бывшая будет делать. Плевать, как и на что она будет жить. Плевать, как будет выглядеть.

Чертовы волосы. Нахрена она их обрезала?!

Смотрю ей вслед, провожаю взглядом, невольно прикованным к упругой заднице в обтягивающих штанах. Худая – я даже не заметил, как она похудела за год, что мы виделись только в суде, невысокая, без привычных каблучков.

Другая. Совершенно другая, и это обстоятельство почему-то бесит до темноты в глазах.

– Не забудьте предупредить няню.

– Что? – Я моргаю и возвращаюсь в реальность.

– Няню, – напоминает секретутка, – вашей дочери. Вам стоит предупредить ее, что вы не приедете ночевать, чтобы Мария Владимировна не осталась одна.

– Не приеду ночевать... ты о чем?

Девушка смотрит на меня так, словно я ляпнул какую-то глупость, но сказать об этом неловко – я все-таки ее шеф.

– Спа... джакузи... вишня.

– Ах, вишня, – перед глазами снова волосы бывшей и теперь я знаю, как этот цвет называется, – знаешь, не сегодня.

– А...

– Съешь ее сама.

Подталкиваю Катерину к машине и быстро сажусь за руль. Мне хочется убраться отсюда поскорее. От яркого солнца. От осенней улочки.

– Так вы вишню-то будете? Просили же перекусить... – Катерина обиженно дует губы.

Нагнувшись к ней, я выхватываю корзинку и выбрасываю ее в окно, а затем, круто развернувшись, проезжаю прямо по спелым и сочным ягодам, оставляя на асфальте безобразные потеки.

– В следующий раз, когда я прикажу найти перекус, раздобудь сэндвич и кофе. Я мужик, а не козел, травой не питаюсь, ясно?

Обиженная женщина – к беде, но только если она твоя же-

на. А если это обычная секретарша, обделенная всем, кроме внешности, то к тишине. Катерина дуется, а я никак не могу взять себя в руки. Хладнокровность – одно из качеств, которое я получил от отца, вдруг резко отказала. Я всегда гордился тем, что могу на амбарный замок запереть все эмоции и методично переть к цели.

Год за годом я выстраивал бизнес, стиснув зубы терпел выверты налоговиков, банков, контрагентов, научился манипулировать людьми, предугадывать их поступки. А еще планировал развод. Без эмоций, без нервов, я шел к этому дню и должен быть счастлив.

Высаживаю Катерину возле офиса, снабдив всеми документами, а потом несусь обратно в центр. Няня сегодня до одиннадцати, дочь не будет скучать, а у меня есть время пройтись и проветрить голову. Почему-то всегда, когда хреново, я брожу по центру. Здесь нет остоепиздивших высот, от одного вида которых сводит скулы. Здесь крошечные улочки, извилистые, причудливые.

Нет, я не проникаюсь всей этой историей, архитектурой, духом времени. Я просто ненавижу стекло и бетон, а теперь еще и цвет спелой вишни. Невольно, стоя в толпе на переходе, я высматриваю среди людей яркие волосы. Иногда мне кажется, что вижу их боковым зрением, но когда оборачиваюсь, улица уже пуста.

Хочется нажраться и отключиться, да обещал сегодня Машке с ней поиграть. Она не забудет и уж точно не простит,

если откажусь.

Хочется как-то заглушить мысли в голове, но единственное, что приходит в голову – боль.

Поэтому я иду по знакомому маршруту, надеясь, что Граф свободен и сегодня на работе. К счастью, двери его салона открыты, а внутри нет ни одного посетителя.

– Вовка? – Граф поднимает голову от папки с эскизами. – Ты какими судьбами?

– Набей что-нибудь, а, – устало сажусь в кресло и закрываю глаза.

– Ну нихрена себе предьявы. Я тебе с порога могу только морду набить. Что тебе в башку ударило?

– Как ты еще не разорился с таким подходом к клиентам? – усмехаюсь я. – Каждому в морду предлагаешь, или только постоянным?

– Тату-мастер, Никольский, это тебе не аквагример в парке. Татухи с наскака не делаются. Чего тебя принесло? Сам же сказал, что больше ни-ни, а то партнеры пугаются.

Меньше всего на свете мне хочется рассказывать, что привело меня сюда. Мне вообще не хочется думать, мне хочется заглушить чем-то внутренний зуд, забыть о наваждении, вдруг появившемся на противоположной стороне улицы. Ненавижу это отвратительное чувство. Понятия не имею, как оно называется, но уже его ненавижу. Я возненавидел бы все, что заставило думать о бывшей.

– Я в разводе. Праздную.

– У-у-у, – Граф откладывает папку с эскизами, – поня-я-ятно. Что бить будешь? «Не забуду тещу родную»? «За пиво и футбол стреляю в упор»? А хочешь, купола ЗАГСа на спине набьем?

– Вот что ты забыл здесь? Пиздуй в ящик, дебил, там ка-ме-ди-клуб без тебя уже третий год про жопы шутит.

– Мама дорогая, какие мы нервные. Давай сюда свою лапу, набью тебе таблицы Брадиса, в память о славном студенчестве.

А мне на самом деле плевать. Хоть Брадис, хоть закон Ньютона, хоть слово «Хуй» в масштабе с пояснительной картинкой. Лишь бы отключиться, сосредоточиться на физическом и вместо вишни чтобы перед глазами стоял идиотский постер с графической абстракцией, а приглушенный свет и хорошая музыка погрузили в некоторое подобие транса, где из реального – только шум машинки и болезненное прикосновение иглы к коже.

У меня есть несколько часов, чтобы прийти в себя, прежде чем вернусь к дочери.

– Вот поэтому я и не женюсь, – говорит Граф, – сначала женятся, потом разведутся, а потом приходят и отказываются платить мне за анестезию. Мазохисты херовы. Если хотел себя помучить – нахуй развелся, дебил?

Я молчу, лежа все время, пока он рисует эскиз и наконец Граф не выдерживает:

– Вовка, ты точно в порядке?

– В полном, – не открывая глаз, отвечаю я. – Коли.

Ксюша

Я готова.

Меня трясет от страха, но дольше тянуть нет смысла. Деньги раскиданы по кошелькам и припрятаны, документы готовы, вещи на первое время собраны, билеты куплены. Остается только дождаться конца полдника в саду и забрать Машу. Нужно выглядеть бодрой, веселой и невозмутимой, а еще объяснить пять месяцев отсутствия.

Я должна настраивать себя на образ счастливой и безмятежной жены олигарха, а вместо этого реву, сидя за туалетным столиком. Мне жалко и себя, и бедную Машку, которая ничем не заслужила войны собственных родителей.

А еще мне жалко бывшего мужа, и я гоню от себя это чувство, убеждаю себя, что Машу он не любит. Она для него – элемент статуса. Ребенок, дочь, наследница. Ах, какая чудесная девочка, умна не по годам! Ах, какой самоотверженный отец, разве можно не заключить с ним контракт?

Мужчина, сторающий от ненависти к женщине, не может любить ее ребенка. Или может? Я не знаю, и это убивает. Вся моя надежда в том, что Никольский забудет. Побесится, залижет раны на самолюбии и выдохнет с облегчением, поняв, что больше не надо изображать заботливого папочку. Если к Маше у него нет никаких отцовских чувств, все так и будет. А если есть... об этом думать не хочется.

Мне кажется, я все продумала. Выбрала небольшой горо-

док в шести часах пути. Хотела рвануть дальше, но рассудила, что по билетам на поезд найти нас будет просто, поэтому остановилась на автобусе. Сняла номер в отеле на несколько дней, чтобы денек отдохнуть и рвануть дальше, оказаться в нескольких сутках пути от дома и, наконец, снять квартиру.

Мне хватит денег свекра на жизнь и какую-нибудь частную развивайку, которая никуда не передает данные о ребенке. На первое время деньги есть, а потом... потом придется, конечно, рискнуть. Устроить Машку в сад, выйти на работу и надеяться, что к тому времени бывший уже забудет и обо мне и о дочери.

План прост, как две копейки: пока сидим, затаившись, закончить курсы маникюра, а потом работать вчерную, на дому. Государственные предприятия для меня закрыты, частный бизнес я с ребенком не потяну (а точнее не с ребенком, а с куриным мозгом). Остается только работа на себя. У меня есть ноутбук и несколько месяцев, чтобы научиться зарабатывать. Если я хочу остаться с ребенком, то придется приложить все усилия.

Вытираю глаза и начинаю краситься. Я – молодая и успешная жена богатого человека. Я счастлива в браке. Я влюблена в своего мужа. Я с удовольствием бы собственными руками задушила эту скотину, но на несколько минут я должна стать той влюбленной Ксюшечкой, которую во мне еще видел свекр.

А потом хоть трава не расти.

На такси я подъезжаю к парку. Оставляю в машине рюкзак с вещами и прошу подождать полчаса, обещая щедрое чаевые.

– Мы с дочкой уезжаем к родителям в деревню, сейчас заберу ее из сада и поедem на вокзал, чтобы успеть до темноты.

Я знаю, что рискую. Таксист может сообщить о сумке в салоне диспетчеру и сюда придет куча саперов, таксист может решить, что в рюкзаке ценные вещи и рвануть с места. Хотя этого я не так уж боюсь, все документы и деньги у меня в сумке для ноута, которую, конечно, беру с собой.

Нечеловеческим усилием заставляю себя успокоиться. Я должна быть хладнокровной. Веселой. Беззаботной. Уверенной в себе.

Прохожу через турникет, неспешно и с улыбкой иду по усыпанной золотой листвою аллейке к зданию садика. Улыбаюсь администратору:

– Здравствуйте, Риточка. Как у вас дела?

– Ой... – хлопает она глазами. – Ксения Валентиновна... а вы... я думала, Машеньку заберет Елизавета Максимовна.

– Елизавету я отпустила пораньше. Только прилетела из командировки, решила забрать Машуньку и сводить в парк, пока деньки еще стоят.

– О... вы были в командировке? А мы думали, куда пропали...

– Ну да, дела семейные. У меня отец погиб, пришлось разбираться с его делами. Так, куча всяких бумажек, разборки

с родственниками и все такое.

– Извините, пожалуйста, Ксения Валентиновна, мы не знали! Владимир Борисович ничего не говорил...

– Ну муж вообще не любит распространяться о личном. Учитывая, как журналисты любят подробности личной жизни богатых мужчин. Надеюсь, вы не станете выносить наш разговор в массы?

– Ну что вы, Ксения Валентиновна, я все понимаю! Очень вам сочувствую, еще и слухи...

– Какие слухи?

– Ну... говорят, вы с Владимиром Борисовичем разводитесь.

В чем несомненно положительное качество бывшего – так это в умении скрывать себя от журналистов и общественности. Развод прошел тихо, без привлечения СМИ и блогеров. За это, пожалуй, стоит сказать ему спасибо.

– Ну... у кого проблем не бывает. – Я вздыхаю. – Но у нас все нормально. Риточка, вы Машку позовите собираться, ладно? А то я голодная, жуть! Не могу есть в самолете, меня постоянно укачивает.

– Да-да, конечно!

Она хватается за телефон.

Я взяла время с запасом. Няня обычно приходит за Машкой в пять, а сейчас без десяти четыре. В том, что ребенка забирают раньше, нет ничего страшного. Спасибо, господи, за беспечность Никольского. Ему и в голову не пришло, что

я заявлюсь в сад, поэтому рассказывать всем о том, что оставил жену без ребенка, он не стал.

Сию в холле, листая новостную ленту в смартфоне, а сердце бьется, как сумасшедшее! Кажется, вот-вот выпрыгнет из груди, но едва я думаю о том, что сейчас увижу дочь, то ногтями впиваюсь в ладонь. Только бы Машка ничего не испортила... ничего не ляпнула лишнего!

– Мамочка-а-а!

Моя девочка, увидев меня, несется, по дороге теряя тапок, обнимает меня за шею крепко-крепко, и чего мне стоит сдерживаться и не рыдать в голос, знают только звезды! Я обнимаю свою малышку, теперь я могу посмотреть на нее вблизи, увидеть, как она выросла, как похорошела, вдохнуть ее запах детских духов из детского набора косметики.

– Мамочка, ты приехала! Папа сказал, ты была в джунглях!

Я заставляю себя рассмеяться, хотя меня буквально душил злость на Никольского. Но нужно играть роль. А потом, когда окажемся в безопасности, за много километров отсюда, и Машунька уснет, я смогу вволю поплакать.

– Маш, в Сочи не джунгли, а пальмы. Запомнила? Пальмы, мы их видели, когда ездили, тебе четыре годика было. Большие такие... красивые!

– А ты привезла мне подарок?

– Конечно. Только дома оставила. Давай одеваться, пойдем погуляем по парку, покормим уток... ну и маму по-

кормим, а то меня-то полдником не кормят.

Пока мы одеваемся, в холл выходит воспитательница. Сердце делает кульбит и уходит в пятки. А если ее предупредили, что мы в разводе?

– Ксения Валентиновна... на минуточку, – говорит она, поджав губы.

Приходится передать Машу Рите и отойти с воспитательницей к окну.

– Очень хочу с вами серьезно поговорить о Владимире Борисовиче.

– А что такое?

Мне кажется, я едва дышу, но улыбка на лице словно приклеенная.

– Он совсем перестал уделять внимание Машеньке. Привозит ее няня. Забирает няня. Все разговоры – о няне. С няней играли, с няней гуляли, няня сказала. Ксения Валентиновна, в семье все в порядке? Может, стоит показать девочку психологу? У нас отличный специалист.

– О... да, спасибо, мы воспользуемся вашим предложением. Видите ли, год назад погиб мой отец, ее дедушка. Это ранило Машу. Потом мне пришлось улететь в Сочи и разбираться с наследством, ну а Володя, конечно, работает за троих. Няня нас очень выручила, но сейчас я решила все вопросы и вернулась. От услуг Елизаветы мы, конечно, не откажемся, но время с Машенькой буду проводить я. Спасибо вам за заботу.

– Ну что ж, – улыбается женщина, – я рада, что вы вернулись, Ксения Валентиновна. Машенька по вам скучала. У меня даже сложилось впечатление, что она не знает, куда вы отправились.

– Ну... мы решили не травмировать ее, напоминая о смерти бабушки, поэтому сказали ей, что мама едет по работе в командировку. Ну а пальмы у нас равны джунглям... и вот.

Мы смеемся, как две приятельницы смеются над проказами маленьких детей. Маша тем временем уже готова.

– Скажи «до свидания» Рите и Людмиле Михайловне, – говорю я.

Машка радостно трясет плюшевым динозавром. Я крепко держу ее за руку, пока мы идем от садика к воротам, и, едва сворачиваем и пропадаем из поля видимости, я прислоняюсь к ближайшему дереву.

– Сейчас, Машунь, минуточку постоим, у мамы ножки устали.

– Мы пойдем кормить уточек?

Боже... я чувствую себя самой последней сволочью на свете. Опускаюсь на коленки рядом с дочерью и говорю:

– Солнышко, ты хочешь жить с мамой?

Машка кивает. Но это же не честно! Не честно вот так ею манипулировать!

«А отбирать у меня ребенка честно? Трахаться со своими секретаршами в доме, где спит ребенок, честно? Лишать ее материнской любви тоже честно?».

– Я тут решила отправиться в путешествие. В другой город. Хочешь поехать со мной? Там много интересного. Будем путешествовать вместе?

– Да-а-а! – радостно кричит моя девочка и прыгает на месте. – А папа?

– А мы будем отправлять папе фотографии, а когда он наработается, то тоже к нам приедет. Сойдет?

– Сойдет!

– Тогда поехали. Как же я по тебе соскучилась, как же ты выросла-то, Машка!

Таксист, к счастью, на месте.

– На автовокзал, пожалуйста, – прошу.

И всю дорогу обнимаю Машку, целую ее в светленькую макушку, прижимаю к себе вместе с динозавром и дышу, глубоко и размеренно, чтобы не раскиснуть совсем.

Вот мы и на вокзале. Сидим в автобусе, жуем вкусные свежие булочки с маком, запивая их ананасовым соком, и чувствуем себя счастливыми. Маша радуется приключению, тому, что мама рядом, теплой осени и вкусному угощению. Я до сих пор не верю, что у меня почти получилось. Руки трясутся, а глаза невольно высматривают в толпе знакомый силуэт. Лишь когда автобус трогается с места и, лихо объезжая вечерние пробки, вырывается на трассу, я окончательно расслабляюсь. Остаток пути мы с Машкой смотрим мультики на ноутбуке и болтаем обо всякой ерунде.

Чем больше времени я провожу с дочерью, тем сильнее

ненавижу бывшего мужа. Каждый миг разлуки с Машкой – утраченные драгоценные мгновения. Ему они не нужны, а я храню в памяти каждое. Как она сказала первое слово, как сделала первый шаг, как ползала и облизывала все вокруг, как кусала меня за нос в каждый удобный момент, как дергала деда за усы и как обнимала собаку Никольских, заснув случайно в ее вольере. Сколько таких моментов я пропустила?

Вместе с этими воспоминаниями приходят и другие, от которых я бы рада отмахнуться, да не выходит. Как Вова брал захлебывающуюся плачем Машу и та мгновенно затихала. Как он играл с ней в прятки в саду и громко делал вид, будто совсем не замечает торчащую из-под лавочки беседки ногу. Как он подхватил от нее ангину, и я двое суток не спала, вслушиваясь в их дыхания, боясь, что начнутся осложнения. Как я смеялась, когда Машка разрисовала отрубившегося прямо на полу в детской Володю, а потом половину ночи отмывала его мицеляркой, потому что утром должны были состояться переговоры.

И дальше... как мы танцевали на свадьбе, и он удерживал меня каждый раз, когда я от волнения путалась в подоле платья. Как после свадьбы всю ночь летели на Мальдивы, и я спала у него на коленках, уткнувшись носом в холодную пряжку ремня. Как прикладывала его руку к животу, где шевелилась Машунька. Как протянула ему крохотный сморщенный комочек, на который Вова смотрел, как на инопла-

нетянина, а когда дочь, почувствовав папу, открыла глазки, осторожно ей улыбнулся.

Что с нами стало?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Владимир

– Ну что, господа, я жду от вас как минимум полный анализ по предложениям и срокам, а как максимум – готовое решение по производству. Давайте не будем бегать туда-сюда из-за идиотских согласований. Бюджет есть, есть четкая задача – возьмите на себя ответственность и примите решение.

Я отвлекаюсь на вибрирующий смарт. Черт, Лиза.

– Всем спасибо, на сегодня все свободны. По всем вопросам обращайтесь к Станиславу.

Я едва дожидаюсь, когда последний человек покинет кабинет, и перезваниваю няне. Внутри сидит мерзкое и противное ощущение приближающихся неприятностей. Лиза никогда не звонит мне в рабочее время. Все бытовые вопросы и проблемы она решает с экономкой, все воспитательные – сама. Я доверяю ей чуть менее, чем полностью. Если дочь простыла, Лиза оставит ее дома и вызовет врача, если разбила коленку, Лиза обработает и усадит ее смотреть мультики, если захочет развлечений – Лиза сама решит, есть ли возможность ей их дать.

И если няня трезвонит в середине рабочего дня, значит, случилось что-то из ряда вон.

– Владимир Борисович...

Голос у Лизы заплаканный и тихий.

– Что такое?

– Понимаете, я должна была забрать Машу в пять...

Она всхлипывает, и я морщусь.

– К делу, Лиза, быстро!

– В садике сказали, Машеньку забрала мама! Владимир Борисович, меня никто не предупредил! Что теперь делать?

Я ругаюсь сквозь зубы. Сука. Даже не знаю, кто, она или я. Бывшая за то, что сперла ребенка, а я, потому что этот вариант и в голову не пришел. Дрянь малолетняя, ну, я ей устрою.

– Ждите, – бросаю в трубку, – сейчас буду.

Надо взять водителя, потому что адекватное восприятие реальности начисто испарилось. Внутри все кипит, я готов разнести к херам кабинет от злости, и только необходимость немедленно ехать в сад останавливает.

Мысль о том, что бывшая пойдет на меня войной в голову не приходила. В моем мире бессловесная глупенькая девица, ни дня в жизни не работавшая, вообще не способна на серьезные поступки. Я был готов к рыданиям, к нытью, к попыткам воздействовать на меня через отца или брата с сестрой, но никак не к тому, что она просто заявится в сад и уведет мою дочь.

Я ее найду. Найду очень быстро и она очень сильно пожалует о том, что натворила.

В саду меня встречают три испуганные рожи. Лиза, администраторша – забыл ее имя – и старая дура Людмила Михайловна.

– Вы че, охуели?! – рычу так, что администраторша нервно косится на двери во внутренние помещения. – Вы кому ребенка отдали?!

– Так... Ксения Валентиновна пришла, Машеньку забрала... она же ее всегда забирала, мы не подумали...

– А вам, блядь, не надо думать! Няня что сказала? Заберет ребенка в пять! Какого хуя вы не позвонили ей? А мне? Какого хуя вы отдали ребенка раньше положенного?!

– Но Ксения Валентиновна...

– Она ей больше никто. Мы в разводе. Точка. Должностную неси сюда.

– Владимир Борисович...

– Я сказал, дура ты старая, должностную сюда неси, если сесть не хочешь! Я тебя носом ткну в то место, где написано, как ребенка надо отдавать. Не частный сад, блядь, а вокзал!

Лиза снова начинает шмыгать носом.

– Брысь домой, – говорю ей. – Позвоню, когда понадобится.

Пока администраторша бегает в поисках документов, набираю начальника службы безопасности.

– Владимир Борисович, я почти закончил с новыми камерами, ребята...

– Бросай камеры. Бывшая увезла дочь без спроса, забрала

из садика. Найди ее немедленно, из-под земли достань!

– Понял, Владимир Борисович, сейчас займемся. Найдем и доставим к вам.

После долгой паузы я отвечаю:

– Нет. Просто найди и скажи мне, где эта сука. Я к ней сам заеду в гости.

Я не знаю, что меня больше злит. То, что амеба, с которой я прожил шесть лет, вдруг показала зубы. Или то, что я, кажется, перегнул палку и у этой самой амебы вполне может поехать крыша. А если так, то одни боги ведают, что она делает Машке.

– Вот, Владимир Борисович, я нашла... – лопочет администраторша.

– Ну, так выучи, блин! А то в следующий раз у тебя ребеночка табор цыган уведет, ты и слова не скажешь.

Выхожу из садика к машине и невольно тянусь к бардачку, за сигаретами. Я не курил уже год, с тех пор, как начал бракоразводный процесс, а теперь вот что-то захотелось. Мерзкий привкус табака совсем не успокаивает, только еще больше раздражает.

Копаясь в смарте, ищу ее номер, который уже успел вычеркнуть из контактов. Но все еще помню последние цифры наизусть. Это уже жест отчаяния, но вдруг? Если бывшая не выбросила телефон, все будет совсем просто.

«Абонент временно недоступен. Пожалуйста, позвоните позднее».

Черт.

Новый поток ярости обрывает встречный звонок.

– Ну? – отрывисто говорю в трубку. – Нашел?

– Владимир Борисович, не так быстро. Мы съездили к той подруге, у которой она жила, но женщина сказала, что Ксения съехала пару недель назад. Куда, не знает. Влезли в ее гугл-аккаунт, посмотрели историю передвижений, сузили круг поисков, но пока ничего не нашли. Правда, в основном она не выходила за пределы центра. Мне бы список ее подруг и контактов, может, там кто живет.

– Да никого у нее нет, все подружки – одно название, курицы со свидетельствами о браке... так. Стоп. Я тебе перезвоню.

Меня вдруг осеняет идеей. Верить в нее не хочется, но чем черт не шутит. Отец и не на такое способен.

– Скажи-ка, пожалуйста, дорогой папа, не ты ли устроил моей бывшей женушке тепличные условия?

– По-моему, я не обязан отчитываться перед тобой.

– Конечно, нет, просто когда менты будут опрашивать всех по делу о похищении моего ребенка, хотелось бы узнать некоторые факты не от следака.

– Что? Машу похитили? То есть... как?! Я немедленно звоню...

– Ксюшечке своей позвони. И донеси до нее, что лучше бы самой вернуться вместе с моей дочерью.

– Ее забрала Ксения? – в голосе отца неподдельный шок. –

Господи, что же ты творишь-то... довел девчонку!

– До чего? Развод – это не конец света, я ее пальцем не трогал, словом не оскорбил.

– Она приходила и просила только встреч с дочерью! Не требовала от тебя ни денег, ни имущества, только свидания с ребенком! И ты теперь удивляешься? Загнал девчонку в угол, а сейчас рычишь на всех, кто случайно мимо проходил?

– Ну уж ты-то не случайно мимо прошел. Ты ей квартиру снял?

– Я.

– Адрес скинь.

– Девку не трогай. Она в том, что у тебя мозги набекрень поехали из-за какой-то бабы, не виновата.

– Бабы у тебя в сауне по воскресеньям. Хоть бы имя ее запомнил, папаша, блядь.

– Володя, хочешь мстить – мсти мне. Девчонка тебе что сделала?

– Мы с ней сами разберемся. Адрес жду в сообщении. И я очень прошу, папа, очень: никогда больше за моей спиной не лезь в мои дела.

Через десять минут у меня уже адрес, и я сам еду туда, а через полчаса выхожу на улицу и снова закуриваю. И так, у нее есть ноутбук. У нее есть откуда-то деньги (хотя не надо быть гением, чтобы понять, откуда). Она восстановила свидетельство о рождении Маши. Не летела самолетом, не ехала поездом, а значит, либо рванула на попутках, либо на авто-

бусе. Ее карточки молчат, новых счетов в банках не открывала, по крайней мере не на себя. Подружка, у которой она жила, тоже не получала никаких переводов и я даже верю, что она не в курсе, где бывшая с Машей.

Итак, женщина, которую я всегда считал чем-то вроде табуретки, оказалась несколько умнее этой самой табуретки.

– Не переживайте, Владимир Борисович, – из дома выходит СБшник, – найдем девочку. Сейчас ребята обзвонят такси, получим записи с камер в районах сада и дома, опросим кассиров и людей на вокзале. Найдем, уже к утру пойдем, куда направилась.

Я стискиваю зубы. К утру она будет еще дальше, а если не дура, то найти ее с каждым днем будет все сложнее и сложнее. Если запас наличных позволит, она сможет прятаться долго. Рано или поздно ей придется легализоваться, устроить Машу в школу или садик, но я не могу ждать так долго.

Смотрю на фотку дочери в бумажнике и в голове вдруг возникает интересная мысль...

Ксюша

Гостиница, мягко говоря, так себе, и мне стыдно. За то, что жила, как принцесса, понятия не имея, что происходит вокруг, за то, что морщусь при виде душевой кабины, чистенькой, но старой, в некоторых местах покрытой водным камнем. Страх побега постепенно отпускает, а на смену ему приходит страх перед будущим, покрытым туманом неизвестности.

Но я должна справиться.

Городок очень маленький, тихий. Большая часть заведений уже закрыта, когда мы приезжаем, но мне и не хочется никуда идти. Машка клюет носом, поэтому я захожу в ближайшую «Пятерочку» и покупаю нам вечерний перекус. Заботы о дочери успокаивают. Они – привычные и приятные дела из прошлого.

Я купаю и переодеваю Машу, пока принимаю душ сама, а потом мы читаем книжку. Дочь есть любимый творожок, я – сырную булку с кусочком ветчины и чашку растворимого черного кофе. Кровать в номере одна, а еще дует от окна.

– Мама, почитай плю мыфонка!

– Машунь, не говори с набитым ртом. И помнишь, что тебе говорила тетя-врач про букву «Р»? Надо стараться.

Машка облизывает ложку и довольно рычит. Она хорошая и ласковая девочка, тянется ко мне, ластится. Скучала по маме, а как же я по ней скучала! Безумно! Я готова сутками читать ей эту книжку, хотя в рюкзаке еще несколько, я не могу ее от себя отпустить.

Правда, все же приходится спуститься на ресепшен, чтобы спросить о замене номера.

– Извините, пожалуйста, – говорю сонной, но улыбающейся девушке, – а можно нам другой номер? В нашем очень дует от окна, я боюсь простудить ребенка. Хотя бы чтобы кровать была в другом конце комнаты.

– Сейчас посмотрю.

Девушка долго копается в ноутбуке, хмурится, что-то бормочет себе под нос, но в итоге сокрушенно качает головой.

– Я боюсь, последний свободный номер был только что забронирован. Но я сейчас скажу девочкам, они принесут вам несколько дополнительных одеял. Пожалуйста, покажите им, откуда дует, они закроют это место одеялком.

– Спасибо, – натужно улыбаюсь.

Мне хочется смеяться с собственной наивности. Вот такой он, отель две звезды. Вот такая свобода... разная она у нас с бывшим мужем.

Стоит отдать должное горничным: теплое шерстяное одеяло становится надежным щитом на пути холодного ветра от окна. Я все равно на всякий случай кладу Машу так, чтобы закрыть ее от сквозняка, но теперь уже не боюсь оказаться с простывшей дочерью на руках.

Переодеваюсь в легкое домашнее платье-рубашку и ложусь на свою половину кровати. Тело приятно ломит, усталость и напряжение сменяются расслабленностью. Так хорошо мне не было уже год.

– Мамочка... – Машка пыхтит и лезет под бок.

А еще она очень любит играть с моей рукой. Водит крошечными пальчиками по ладошке, что-то бормочет и смеется, когда я осторожно щекочу ее ногтями. Помимо этого неизменный спутник дочки – плюшевый динозавр, и он такого размера, что в темноте мне кажется, что у меня два ребенка.

– А что мы будем делать завтра?

– Проснемся, потом пойдем завтракать. Найдем вкусное кафе и съедем там что-нибудь. Потом погуляем, посмотрим, что в этом городе интересного, купим тебе теплую кофточку, а то что-то ты у меня легко одета. А потом поедем дальше.

– А куда?

– В город, где мы будем жить.

– А там класиво?

– Конечно.

– А как же мое лисование?

– Солнышко, мы тебе найдем кружок по рисованию, ты ничего не пропустишь.

– Холошо-о-о. – Маша сладко зевает.

– Ну-ка, порычи на маму перед сном.

– Р-р-р-р!

– Молодец. Сладких снов, счастье мое.

– Не уезжай больше, мамочка.

Обнимаю ее, перебираю мягкие волосики и думаю, что плакать совсем не хочется.

– Не уеду. Никто тебя у меня не отберет, ни за что и никогда.

Больше всего я боюсь, что не смогу уснуть. И в мыслях снова поселятся воспоминания из прошлой жизни. Или тревоги из настоящей. Но, едва Маша засыпает, я тоже отключаюсь. Ночь накануне я почти не спала, да и весь этот год прошел, словно в тумане.

Я всегда следила за здоровьем. Проходила медосмотр, курсы массажа, профилактику, детоксикацию. До развода я понятия не имела, что давление вообще хоть как-то способно оказывать влияние на состояние. А через пару недель после переезда из дома вдруг в полной мере прочувствовала гипотонию.

Я была красивой, здоровой, заботливой, тихой. Но что-то упустила, что-то, что заставило мужа возненавидеть меня со страшной силой. Я знаю, что причина есть. Не хочу верить, что столько лет жила рядом с чудовищем.

Присутствие дочки успокаивает, мне не снятся кошмары, я по-настоящему отдыхаю, наслаждаясь часами сна. За окном то и дело проезжают машины, свет их фар проходит по потолку.

– Мама... мамочка!

Я просыпаюсь от того, что Маша трясет меня за руку.

– Что такое, милая?

– Я пить хочу.

Бутылочка с водой лежит у меня под подушкой, в комнате довольно жарко: отопление уже включили, а морозы еще не пришли.

– Напилась?

– Спасибо!

– Ложись поспи, еще ночь.

– А сколо утло?

– Утр-р-ро!

– Убрь-рь-рьо!

– Почти, – улыбаюсь. – Скоро.

– И мы пойдем гулять?

– Обязательно.

Дочка ворочается, устраиваясь поудобнее. Мне кажется, если выкинуть динозавра, места нам будет больше, но такое смерти подобно. Игрушку мы не отпустим ни за какие детские радости.

– Мамочка...

– Что, Машунь?

– А папа к нам приедет?

– Приедет.

И говорю это совсем не я. Темнота скрывает человека, стоящего в крохотном коридорчике номера, лишь свет от очередной машины на секунду выхватывает его силуэт. Горло сводит от ужаса, я сажусь на постели и хоть не вижу его глаз, чувствую ненависть.

Из темноты на меня смотрит мой личный дьявол.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Владимир

Сколько я здесь стою? Достаточно долго, чтобы рассмотреть в причудливых тенях собственных демонов. Сначала убеждаюсь, что дочь в порядке, хотя о каком порядке может идти речь, если щели в окне заткнуты старым пожраным молью одеялом? Бывшая собиралась растить ребенка в таких условиях, не имея ни работы, ни денег? Тогда я зря подумал о наличии у нее мозгов.

Зато в достатке всего остального. Это почти открытие, до сих пор типично мужским взглядом я на нее не смотрел, только холодно и рационально оценивал, можно ли выйти с женой в люди. Как правило, можно, но и только.

За год она поменялась. И волосы эти ее... мне кажется, в комнате отчетливо пахнет вишней. Хотя, наверное, это какой-то идиотский бальзам для рожи или шампунь. Я вспоминаю вишню на асфальте, под колесами моей машины, и внутри кипит злость. Мне хочется раздавить бывшую, уничтожить просто за то, что посмела бросить мне вызов.

И вот она смотрит своими огромными глазами, сидя на постели, не замечая, что рубашка слишком сильно задралась, в глазах ужас, и я в нем купаюсь. Впитываю, как губка, смешиваю с яростью и возвращаю – я знаю, что бывшая чувствует, я и сам почти физически ощущаю ее страх.

– Как ты нас нашел? – онемевшими губами спрашивает она.

– По ноутбуку.

– Он не мой. Я взяла его в квартире, которую снимала. И оставила деньги с извинениями.

– Вот если бы не оставила, смогла бы сбежать. У всех макбуков есть функция геописка. Я связался с хозяином, он дал пароль от айклауда – и определил, где ты, с точностью вплоть до дома. Ты никогда не разбиралась в технике.

Стискивает зубы и молчит, но взгляд не отводит. Почему-то этот явный вызов рождает во мне желание схватить бывшую и как следует встряхнуть.

– Ты хоть понимаешь, что я с тобой сделаю после такого?

Она подскакивает с постели и бросается ко мне. Отчаянный жест, я бы сказал, безрассудный.

– Володь, давай поговорим спокойно, я так не могу...

– Не можешь? Смотри-ка, пока меня не было, могла, а как появился, сразу не можешь? Нет, милая, тебя никто за руку не тянул, ты сама решила, что можно взять и меня нагнуть, свалить с моим ребенком!

– Это и мой ребенок!

– Теперь точно нет.

Ее рука взлетает вверх, и я получаю хлесткую пощечину. Не болезненную, скорее неприятную.

– Не смей отбирать у меня дочь!

Я отталкиваю бывшую и... черт, я не собирался делать это

с силой, но Ксения, кажется, почти ничего не весит. Налетает на стену спиной и морщится, а меня захлестывает новой волной злости. Я делаю один шаг, один крошечный шаг в ее направлении, и горьким ядом внутри отзывается ее взгляд, неуловимая попытка сжаться в комочек.

– Думаешь, я тебя ударю?

Не выдерживаю, касаюсь вишневых волос, просто чтобы проверить, такие ли они мягкие на ощупь, какими кажутся.

– Нет, милая, я не бью тех, кто слабее. Я придумаю что-нибудь другое. Но ты обязательно со мной расплатишься, потому что из-за тебя я был вынужден ехать к черту на рога за ребенком. Сейчас мы ляжем спать, а завтра уедем, и больше ты к моей дочери на километр не подойдешь. А если попробуешь сбежать сейчас, то я свяжу тебя и оставлю спать в кузове машины, прямо на свежем воздухе. Я очень мечтаю это сделать, даже пикап специально взял.

– Ненавижу тебя! – не то рычит, не то шипит бывшая, а я запускаю пальцы в ее волосы, вдыхаю этот гребаный вишневый аромат и что-то внутри обрывается, короткая вспышка ярости сносит последние бастионы самоконтроля – мой кулак ударяется в стену прямо рядом с ее головой.

Боль отрезвляет, а рев, доносящийся с кровати, возвращает в реальность.

– Здесь же Маша! – всхлипывает бывшая.

Я оказываюсь возле постели раньше нее, сгребая дочь в объятия и замираю. Долбоеб. Как есть долбоеб, слов других

нет и не будет.

– Тихо, Маш, не плачь. Не бойся. Это просто муха на стене сидела, кусачая.

Господи, что я несу? Какая, блядь, муха?!

– Испугалась? Машка, ну-ка, посмотри на меня. Что ты испугалась?

– Ты обиделся, что мы не взяли тебя с собой путешествовать?

– Нет, конечно, я не обиделся. Мы просто с мамой поссорились, но уже помирились. Немножко поругались. Как ты на своего динозёвра ругалась, помнишь, когда он все шоколадные конфеты из новогоднего подарка съел?

– Мама съела все конфеты?

– Нет, просто мама у нас очень забывчивая, она забыла предупредить папу, что заберет тебя из садика и папа испугался, что ты пропала.

Смотрю на бывшую и мечтаю, чтобы она испарилась. И еще о стакане вискаря или коньяка, но наутро придется опять четыре часа гнать до дома, так что обе мечты разбиваются вдребезги.

– Иди-ка сюда, – говорю Ксении таким голосом, что у нее не возникает мысли спорить.

Усаживаю ее рядом на постель и обнимаю за талию под внимательным и настороженным взглядом дочери.

– Вот видишь? Мы больше не ссоримся. Давай-ка ляжешь еще поспать, а то завтра на рисование не успеешь, все про-

спишь. И динозёвр твой устал, вон, сонный какой.

Дочь сворачивается клубочком, обнимая игрушку, а я глажу ее по голове. Потерять Машку – один из кошмаров, которые преследуют меня почти год. Я не знаю, что буду делать, когда она вырастет. Не знаю, как оградить ее от всех, кто может ударить в спину.

От таких, как я, например.

Маша быстро засыпает, и я выдыхаю. Она не должна всего этого видеть. Она и мать почти забыла, изредка спрашивая, куда она уехала и когда вернется, но быстро удовлетворяясь любым моим ответом. Если бы не этот выверт, к школе дочь бы и не вспоминала, что когда-то я жил с ее матерью.

Снова злюсь. Снова думаю совсем не о том, о чем должен, и пока этой злости не будет дан выход, не успокоюсь. Поэтому оставляю в комнате видеоняню, прихваченную из дома, и беру бывшую под локоть.

– Пошли, побеседуем.

Она пытается вырваться, но наши силы не просто не равны, по сравнению со мной она – новорожденный котенок. Я снял номер напротив них, да что там – я забронировал ВСЕ свободные номера, чтобы ни одна сволочь не влезла в мои дела. Пришлось дать администраторше пятерку, чтобы она дала ключ от комнаты бывшей.

– А ты похудела. Год назад ты у тебя хотя бы были сиськи.

– Как возвышенно. Не придумал более изящного оскорбления? Ты же, вроде, из приличной семьи.

– Это не оскорбление, это констатация.

– Единственная констатация, которая меня порадует – это констатация твоей смерти.

Она действительно поменялась. Или всегда была такой, а я не замечал? В этой девице, острой на язык, обозленной, готовой драться до последней капли крови, нет ничего общего с бесцветной богатенькой наследницей, что шастала по дому и пыталась изображать идеальную жену.

– Садись, – я киваю на постель, – будем разговаривать по-другому.

Бывшая складывает руки на груди и отходит к стене, всем видом демонстрируя, что по моим правилам не играет. Меня это даже веселит, хотя, казалось бы, поводов для веселья нет.

– Сколько? – спрашиваю я.

– Что?

– Сколько тебе надо денег, чтобы ты навсегда забыла о моем существовании.

– Да я доплатить готова, чтобы это случилось! Отдай мне дочь – и будь уверен, ни секунды своей жизни я не проведу, вспоминая о тебе!

– Нет, милая, так не пойдет. Дело в том, что я не хочу тебя больше видеть. Ни вообще, ни рядом с дочерью. И, раз уж твой папочка оставил тебя с голой жопой, предлагаю выгодную сделку. Я тебя содержу, а ты... превращаешься в холостую бездетную девочку, которая верит, что бабло падает с неба. Все очень просто, все как ты привыкла. Назови сумму.

Можешь ежемесячную, если боишься проебать все сразу.

– Пошел ты! – рычит Ксения.

– И ругаться научилась. Но ты подумай хорошенько. Что ты будешь делать с ребенком? Что ты ей дашь? Чем заплатишь за учебу? За еду? Во что оденешь? Какое образование дашь? ПТУ маникюрщиц, блядь? На панель пойдешь? Так у тебя опыта мало, ты как бревно в постели.

– Как же ты тогда спал со мной, если я такая ужасная и ненавистная?!

Эта фраза становится спусковым крючком, и я в одно мгновение оказываюсь рядом с бывшей, вжимаю ее в стену и слышу испуганный тихий всхлип. Вся ее смелость улетучивается, а меня снова накрывает вишневым запахом. С удивлением я чувствую, как напрягается член, смотрю на дрожащие губы и до дрожи хочу прикусить их, заткнуть ее рот, заставить замолчать.

– Хочешь узнать, как я с тобой спал? Уверена, что это разумное решение, милая?

– Пусти меня! Мы говорим о ребенке, а не о...

Я смеюсь, запрокинув голову, а руки сами медленно ведут по ее бедрам, приподнимая тонкую ткань платья.

– О чем? О сексе? Что, не можешь вспомнить, когда в последний раз трахалась? Хочешь, я напомню? Когда это было? Года два назад? Или полтора? Ты не отмечала дни в календарике?

– Хватит!

Она прячет глаза, из которых на щеки проливаются две дорожки слез, бьется, пытаясь вырваться на свободу, но не может сдвинуть меня и на миллиметр. Кровь закипает, словно у меня поднимается гребаная температура. Реакция на бывшую одновременно злит и пугает, но силы воли, чтобы выпустить ее из стального захвата нет. Запускаю пятерню в волосы – и вишней пахнет сильнее.

Я чувствую себя последней мразью, но ее очередной полувдох-полувсхлип отзывается ноющей болью неудовлетворенности.

Хрен тебе, Никольский. Не смей к ней прикасаться. Не смей ее целовать, это последняя женщина на Земле, которая способна доставить тебе удовольствие. Только не она. Тысячи шалав кинутся, роняя тапки, едва ты поманишь кошельком, отсосут причмокивая. А эта тебе не нужна, эту ты выбросил из дома и поклялся себе никогда больше не касаться ее даже мельком.

– Володь... прекрати... я тебя прошу, ты же не сволочь, я же знаю тебя, ты Машку любишь... я ее мама, я без нее жить не могу, я... я без тебя жить не могла, что я тебе сделала, ну что?! Я же не просила ее забрать, я видеть ее хочу... ну пожалуйста, ну хоть раз в недельку... у меня никого больше нет. Только Машенька. Что ты творишь?

Поднимает голову, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Мне страшно рядом с тобой. Ты не тот человек, за которого я выходила.

– Наконец-то до тебя это дошло.

Гори оно все, блядь, адским огнем. Все обещания себе, все принципы, самоконтроль туда же. Я рывком расстегиваю рубашку, пуговицы осыпаются на пыльный, местами прожженный ковер.

Бывшая смотрит, не отрываясь, на мою грудь и руку. Туда, где черные узоры покрывают кожу. Ее взгляду словно вторит кислота, она разъедает изнутри, требует облегчения, хотя бы временного.

– Ты сделал татуировку. Давно?

Это не ее дело. Не ее забота, она вообще не должна была увидеть татуху, я делал ее совсем не для нее. Но почему-то сейчас стою и жду, вместо того чтобы получить все, что захочу, доломать эту гребаную куклу и выбросить на свалку, в кучу таких же, как она.

Снова смотрит своими огромными глазами, в которых еще стоят слезы.

– Что с тобой происходит? Ты не только меня мучаешь, ты себя мучаешь...

Я больше не могу ее слушать. И затыкаю ей рот жестким поцелуем.

Чувствую себя безумцем. Когда разум вопит одно, а тело само принимает решения. Я никогда ее не целовал с желанием. Дежурные поцелуи на людях или в редкие моменты близости не в счет, я не хотел чувствовать ее вкус. Мягких, упругих, сладких. Бывшая не может бороться со мной, хоть

и пытается, я не просто сильнее, я сейчас обладаю неограниченной властью. В коктейле с ненавистью и болезненным желанием она пьянит.

Целую жадно, с напором, отбирая у нее последние крохи дыхания. Вкладываю в поцелуй все, что не могу сказать, всю злость на то, что эта женщина существует. В жизни и в моей голове. На то, что ебанный вишневый запах не дает покоя, что она стоит, вжавшись в стену, а я не могу от нее оторваться.

Сжимаю волосы на затылке, свободной рукой приподнимаю подол ее платья. Веду по нежной коже бедра, вдоль края тонкого кружева. Ксения всхлипывает, пытаюсь меня оттолкнуть, но я уже чувствую жар ее тела, и мне смешно. Оторвавшись на миг от нее губ, я смеюсь, а она жадно хватается ртом воздух.

– Отпусти меня!

– Придется попросить убедительнее!

Пробираюсь рукой под платье, сжимаю грудь. Твою мать... что я творю? Но остановиться уже не в силах, я опьянен властью. Сжимаю напряженный сосок и губами ловлю жалобный всхлип.

Глупая дурочка. Готов поспорить на что угодно, она еще надеется, что я оттаю. Что сейчас она ответит на поцелуй, неумело, осторожно – и я тут же превращусь в мужика из ее мечты. Который целует ее перед работой и трахает под одеялом с выключенным светом по воскресеньям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.